

КОГНИТИВНЫЕ СХЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ***Н.Н. Болдырев***Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия)
vclnew@mail.ru*

В статье рассматриваются формы языкового сознания, которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира, его первичной и вторичной языковой интерпретации, т.е. когнитивные схемы интерпретации самих объектов, событий, их характеристик и интерпретации имеющихся коллективных знаний о них. Выделяются общие, коллективные, и частные, индивидуальные, модели, в которых реализуется интерпретирующая функция языка. В качестве таких схем анализируются различные пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические модели, когнитивные и языковые механизмы, а также структура концептуально-тематических областей, лексических, грамматических, модальных концептов и категорий, классификационных и метаязыковых концептов, частные системы категоризации, сложные пропозиции, индивидуально-авторские метафоры и образные сравнения.

Ключевые слова: когнитивная схема, языковая интерпретация, интерпретирующая функция, структура, концептуально-тематическая область, концепт, категория, пропозиция, когнитивные и языковые механизмы.

DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20

Современные исследования в разных областях гуманитарных наук характеризуются общей тенденцией к активному поиску новых направлений, методов, подходов. Для лингвистики таким новым направлением стало изучение языка с когнитивной точки зрения – как когнитивной способности. Использование определенного научного подхода означает признание конкретной системы взглядов на объект исследования, его природу и основные свойства. Применительно к языку это та или иная трактовка центральных проблем языкознания: о природе языка, о значении слова, о взаимодействии лексики и грамматики, семантики и синтаксиса, языковых и неязыковых знаний, о структуре и принципах формирования категорий естественных объектов и языковых категорий в сознании человека и многие другие.

Принимаемая система научных взглядов создает исходную теоретическую и методологическую базу исследования, служит отправным моментом и главным ориентиром при анализе конкретных языковых явлений. Так, **когнитивный подход** к исследованию языка предполагает не столько изучение объективных характеристик его единиц и категорий, сколько способов восприятия мира человеком, представленных в язы-

ковой семантике, т.е. изучение языка через призму основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации. Соответственно одним из главных методологических принципов такого подхода служит положение о том, что **человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании.**

Данный, антропоцентрический принцип исследования, получивший широкое распространение в гуманитарных науках в целом, для лингвистов означает не только применение нового понятийно-терминологического аппарата и методов анализа, но и коренное изменение взглядов на природу языка, его структуру, функции, семантику его единиц и категорий. Результатом такого изменения является активная разработка новых семантических теорий и, в частности, многоуровневой теории значения – **когнитивной семантики**. Многочисленные исследования в этой области находят регулярные подтверждения тому факту, что человек каждый раз заново формирует смыслы и выбирает средства их репрезентации, используя, в том числе, собственный языковой опыт, а не строит свои высказывания только по готовым моделям (см. также: [Кубрякова 2004]).

В качестве главной идеи, объединяющей данные исследования, выдвигается положение о том, что наши знания организуются с помощью определенных когнитивных моделей [Lakoff 1990: 68]. Эта идея прослеживается в различных

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 15-04-00448 «Язык как интерпретирующий фактор познания».

лингвистических теориях: фреймовой семантики Ч. Филлмора, концептуальной метафоры и метонимии Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пространственной грамматики Р. Лэнекера, ментальных пространств Ж. Фоконье, в теории прототипов Э. Рош и др. Она лежит в основе объяснения общих процессов концептуализации и категоризации и того, что обеспечивает действие этих процессов: концептуализация и категоризация мира в языке осуществляется с помощью когнитивных моделей, или схем.

При этом значение языкового выражения, как утверждает Р. Лэнекер, не сводится к объективной характеристике той ситуации, которую оно описывает. Люди способны по-разному структурировать и толковать содержание одной и той же когнитивной области, моделировать любую ситуацию с помощью различных образных схем таким образом, что определенная семантика не столько формируется под влиянием объективной ситуации, сколько навязывается ей [Langacker 1991]. Пользуясь компьютерной метафорой, можно сказать, что человек способен по-разному форматировать когнитивное содержание с помощью языка.

К аналогичному выводу можно прийти и посмотрев на проблему с точки зрения объекта языковой репрезентации – знаний. Любое знание, по мнению А. Вежбицкой, выступает как человеческая интерпретация мира [Wierzbicka 1980], и существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, «призм» мировидения, миров, на которые смотрит наблюдатель [Постовалова 1988]. В языковом преломлении это означает, что язык, если воспользоваться формулировкой Б.А. Серебренникова, объясняет содержание концептуальной картины мира [Серебренников 1988]. Более того, как подчеркивают многие ученые, языковые выражения приобретают конкретный смысл тоже только в рамках определенной концептуальной системы [Павилёнис 1983; Чейф 1983; Jackendoff 1995]. Следовательно, эта **связь языковых значений и смыслов с концептуальной системой конкретного человека**, автора языкового выражения, **имеет несомненно причинный характер и определяет их содержание**, поскольку **языковое сознание** не является отдельным, независимым модулем. Оно **интегрировано в когнитивную систему человека и сопровождает разные виды его взаимодействия с миром, разные виды его деятельности**.

Активная роль человека в формировании языковых значений и смыслов убедительно сви-

детельствует об интерпретирующем характере человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, дискурсивной деятельности в ментально-языковом конструировании окружающего мира. В свою очередь, это дает основание говорить о третьей ключевой, помимо когнитивной и коммуникативной, **интерпретирующей функции языка** (см. более ранние работы автора, в которых впервые было подробно аргументировано выделение и дано определение интерпретирующей функции языка, например: [Болдырев 2007; 2011 и др.]).

Интерпретирующий характер конструирования мира в языке может проявляться в разных аспектах: в фокусировании внимания на определенных объектах, событиях [Талми 1999], в профилировании их характеристик и взаимосвязей [Langacker 1991], в перспективизации, или фокусировании внимания на конкретных элементах концептуальной структуры [Филлмор 1988], в определении точки зрения, или когнитивной точки референции [Rosch 1978], в выборе прототипов языковой репрезентации знаний, или точек внутриязыковой референции [Болдырев 2003; 2009] и конкретных языковых средств для оформления высказывания. Иначе говоря, языковая единица, с точки зрения когнитивной семантики, приобретает свое значение в результате выделения или высвечивания конкретного участка в пределах соответствующей когнитивной области, что предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы. В качестве таких схем приводят различные пространственные конфигурации, ограничивающие схемы, схемы последовательности, включения, передвижения (источник, путь, цель), соединения и разъединения, приближения и удаления (см., например, выше-названные работы Дж. Лакоффа, Р. Лэнекера, Л. Талми, Ч. Филлмора).

Дж. Лакофф, в частности, считает, что для описания процесса категоризации могут быть использованы когнитивные модели следующих четырех типов: пропозициональные модели, схематические модели образов, метафорические и метонимические модели. Пропозициональные модели вычленяют элементы, дают их характеристики и указывают связи между ними. В них не используются механизмы воображения: метафора, метонимия или ментальная образность. Примером пропозициональной модели может служить простая пропозиция, которая состоит из элементов (аргументов) и базового предиката, связывающего

эти аргументы. Схематические модели образов – это специфические схематические представления образов, таких как траектории, длинные тонкие формы или вместилища. К числу наиболее известных типов образных схем относятся: вместилище, источник – путь – цель, часть – целое, центр – периферия, вверх – вниз, передняя сторона – задняя сторона, линейная упорядоченность и другие. Метафорические модели обеспечивают переход от пропозициональных или образно-схематических моделей одной области к соответствующей структуре другой области: от области-источника – к области-цели. Например, метафора «канал» позволяет перейти от знания о перемещении предметов в контейнерах к пониманию коммуникации как перемещения идей в словах. Метонимические модели дополняют вышеописанные типы указанием функций одного элемента по отношению к другому, например: категория как целое может восприниматься через меньшую подкатегорию (категория натуральных чисел – через подкатегорию целых чисел от нуля до девяти вместе с арифметическими таблицами и правилами или подкатегорию степеней десяти: десять, сто, тысяча – *тысяча возможностей*). В отличие от метафорического, метонимический перенос осуществляется в пределах одной концептуальной области (см.: [Lakoff 1990]).

Важно подчеркнуть, что структурирование, или схематизация, знаний является тем необходимым условием, которое требуется для нормальной работы любой когнитивной системы и ее адаптации в мире. С одной стороны, **чтобы когнитивная система работала, она должна быть определенным образом структурирована** в отношении окружающей среды, поскольку наше сознание, по мнению философов, постоянно сопровождает и контролирует взаимодействие человека с окружающей средой (см.: [ФС 1981: 335; КФЭ 1994: 267, 423]). С психологической точки зрения это означает наличие в сознании человека определенной гипотетической модели устройства мира [Ушаков 2009]: понимания его физической структуры, структуры общества, роли человека, структуры его личности и видов деятельности. То или иное видение мира человеком как представителем конкретного социума находит отражение в коллективных знаниях, структура которых и выполняет функцию универсальных схем восприятия и осмысления новых знаний. С другой стороны, **информация, поступающая извне, в том числе, в языковой форме, должна быть тоже структурирована, чтобы стать частью**

сознания, его структуры. Другими словами, когнитивная система человека должна быть способна определенным образом (сообразно своей собственной структуре и структуре коллективных знаний о мире) форматировать поступающую информацию. Неструктурированное сознание не способно успешно усваивать поступающую информацию именно потому, что оно не может ее должным образом отформатировать, придать ей нужную структуру, установить необходимые связи с уже накопленными знаниями, т.е. найти ей место в когнитивной системе. Аналогично структурированное сознание сталкивается с проблемой обработки и форматирования неправильно структурированной (без должной опоры на коллективные схемы и модели) информации (о языке и структуре сознания см. также: [Болдырев 2016]).

Из сказанного выше очевидно, что схемы, используемые человеком в структурировании и схематизации опыта и языковой информации, также имеют интерпретирующий характер, который проявляется в способности человека применять разные схемы коллективного уровня для структурирования индивидуального опыта взаимодействия с миром и разных когнитивных областей. В процессе познавательной деятельности, отмечал А.Р. Лурия, человек использует две разные операционные системы: **систему логических операций и систему оценки эмоционального значения и глубинного смысла** [Лурия 1998: 258]. **Вторая система, естественно предположить, – это система операций, связанных с интерпретацией мира и знаний о мире в языке,** система, которая обеспечивает реализацию интерпретирующей функции за счет особого, индивидуального использования коллективных схем структурирования информации. Это в полной мере согласуется и с самим определением языковой интерпретации, которое было сформулировано нами ранее. В нем подчеркивается, что интерпретация представляет собой процесс и результаты субъективного понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат субъективной репрезентации мира, которая основана, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, – на его личном опыте взаимодействия с ним (см.: [Болдырев 2011]).

С учетом специфики конструирования мира в сознании человека и роли интерпретационного фактора в этом процессе можно выделить **два основных типа когнитивных схем, или моделей, языковой интерпретации мира и знаний о мире:**

общие, коллективные, или конвенциональные, и частные, индивидуальные, или субъективные. Общие схемы имеют относительно универсальный характер и непосредственно связаны со структурированием языка и сознания. Это, прежде всего, концепты, категории и пропозиции, которые формируют концептуальную систему человека как представителя определенного социума и культуры и непосредственно влияют на его языковую деятельность: на формирование языковой картины мира и дискурсивную деятельность, — а также общие когнитивные и языковые механизмы формирования смысла. Частные схемы передают структурную специфику индивидуальных концептуальных систем, индивидуально-авторские способы структурирования информации и дискурса: конкретные концепты и категории, когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, различные конкретные метафорические и метонимические модели, индивидуальные модели концептуальной деривации, концептуальной интеграции, индивидуально-авторские сравнения и метафоры, специфические модели организации предложений, текстов, их лексико-грамматическое оформление, модели построения дискурса в целом.

Конкретное использование данных схем в познавательной и дискурсивной деятельности обусловлено, в свою очередь, типами интерпретации, которые различаются своим объектом, целями и основными функциями и которые мы также подробно рассматривали ранее (см., например: [Болдырев 2011; 2011a]). Напомним, что объектом языковой интерпретации может быть либо непосредственно окружающий мир, либо уже вербализованные знания о мире. В первом случае ее целью является отражение многообразия объектов, событий и их характеристик так, как их воспринимает социум или отдельный человек. Во втором случае имеется в виду интерпретация уже имеющихся знаний с целью их уточнения, классификации или оценки в соответствии с индивидуальными установками конкретного человека, т.е. в рамках его индивидуальной концептуальной системы. Соответственно можно говорить о трех частных функциях языковой интерпретации: селекции, классификации и оценки.

Селективная функция отличается выборочной (селективной) концептуализацией и репрезентацией мира в сознании человека и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов, т.е. в структуре языковой картины мира. Классифицирующая функция связана с клас-

сификацией объектов на основе определенных критериев и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций. Оценивающая функция предполагает схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной шкалой оценок, системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, принятых в рамках той или иной культуры, т.е. оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию объектов и событий. Взаимодействие коллективного и индивидуального аспектов в разных типах языковой интерпретации находит свое отражение в использовании как общих, так и частных когнитивных схем и моделей в реализации ее частных функций. Рассмотрим далее конкретные примеры такого использования.

Концепты, категории и пропозиции как общие когнитивные схемы языковой интерпретации способствуют формированию индивидуальных концептуальных систем, их структуры и содержания, передавая индивидуальный физический и социальный опыт взаимодействия человека с окружающей средой. Это проявляется в селективной концептуализации объектов, событий и их характеристик в зависимости от условий жизни и видов деятельности. Своим составом, структурой и содержанием концепты и категории передают видение мира определенным социумом или отдельным человеком. Например, в когнитивной системе сельских и городских жителей, представителей разных возрастов, профессий более детально представлены соответствующие среде обитания, возрасту или профессии концепты реалий и их названия, ср.: *дом, крыльцо, завалинка, хозяйство, сарай, загон, скотный двор, ферма, сельсовет, магазин, огород, река, пруд, поместье, хутор, большак, особняк, вилла, многоэтажка, небоскреб, квартира, участок, дача, терраса, балкон, лоджия, зимний сад, ботанический сад, шоссе, магистраль, площадь, бульвар, проспект, набережная, супермаркет, гипермаркет, торговый центр, филармония.*

В сознании человека они представлены в виде определенных **концептуально-тематических областей**, структура которых также выполняет функцию когнитивных схем интерпретации, выступая в качестве когнитивных контекстов формирования конкретных смыслов и их понимания: *избавиться от долгов* (возможно и в академической среде, и в финансовой сфере, и в быту), *отдавать, возвращать долги, одалживаться* (материально и морально), *сдавать, принимать долги* (только в академической среде), *уголовница*

(общепринятое 'преступница', профессиональный жаргон – 'специалист в области уголовного права'), *философ, учитель, помощник* (по жизни и специалист), *отвертка* (инструмент и название коктейля), *маска* (театральная, карнавальная, защитная, противовирусная, кислородная, для подводного плавания, для сталевара, сварщика, косметическая). Наглядно это проявляется в социокультурной специфике дискурса, содержание и языковое оформление которого обусловлено контекстом конкретных социо-культурных знаний и ожиданий его автора, ср. в качестве примера фрагмент из художественного фильма «Приходите завтра», в котором главная героиня подтверждает громкость своего пения тем фактом, что ее слышно даже в правлении, когда она поет в клубе (см. также: [Boldyrev, Dubrovskaya 2016]).

В качестве когнитивной схемы языковой интерпретации может выступать **структура** самого **концепта или категории**. Так, для интерпретации тех или иных свойств объектов могут использоваться отсылки к прототипам или непрототипическим элементам категорий объектов и языковым прототипам (названиям категорий): *овоц, животное, робот, машина, радио, птица, рыба* (о человеке), *сидеть на одной картошке, слово – не воробей, курица – не птица*.

Значительным интерпретационным потенциалом обладает **структура лексических категорий** как общая схема языковой интерпретации. В ней отражается **принцип единства многообразия**, который и раскрывает этот потенциал. Лексические категории интерпретируют мир как широкое разнообразие сходных объектов и событий и, одновременно, их отличительных характеристик. Наше сознание, с одной стороны, объединяет сходные объекты в одну категорию: *дома, птицы, автомобили, мебель, одежда, еда, растения* и т.д. С другой стороны, в структуре категории представлены и отличительные характеристики разных объектов в виде ее внутреннего деления на субкатегории, например военная техника: *танк, танкетка, бронемашина, бронетранспортер, тягач, самоходное орудие, самоходная зенитная установка, передвижная радиолокационная станция, передвижной ракетный комплекс* и т.п. Иначе говоря, эти отличительные характеристики имеют категориально-значимый статус, а сами категории, их внутренняя структура приобретают функцию когнитивной схемы интерпретации мира.

В то же время роль структуры лексической категории как когнитивной схемы интерпретации этим не ограничивается. Аналогия в принципе организации разных категорий и, в частности, их деление на субкатегории с учетом отличительных признаков объектов дает возможность устанавливать содержательные межконцептуальные и межкатегориальные связи между разными предметными областями на основе типологизации этих различий: по форме, объему, размеру, внешнему виду, функции. И люди, и животные, и птицы, и рыбы, например, различаются по внешнему виду, размеру, особенностям поведения, способностям, функциям. Это создает основу для их сравнительно-оценочной интерпретации за счет использования элементов одной лексической категории для обозначения объектов другой предметной области. Тем самым структура лексической категории выступает в функции когнитивной схемы вторичной интерпретации знаний о той или иной концептуальной области: *баран, вол, бык, корова, лань, лось, медведь, гусь, индюк, курица, лебедь, павлин, попугай, соловей, страус, пингвин, акула, щука, рак* (в отношении характеристики человека: 'упрямый', 'работящий', 'крупный', 'простоватый', 'стройный', 'неуклюжий', 'важный', 'бестолковый', 'грациозный', 'говорливый', 'хищный' и т.д.).

В качестве когнитивных схем языковой интерпретации лексические категории, таким образом, интерпретируют за счет самого принципа их организации и сам мир в его разнообразии объектов, передавая их различия, и знания о мире в их вторичном осмыслении на основе аналогии типов сходных и отличительных характеристик, которые обнаруживаются в любой группе объектов. Данная аналогия прослеживается и в структуре концептуально-тематических областей и в структуре лексических категорий. Соответственно лексическая категория, репрезентирующая одну концептуально-тематическую область, может использоваться для интерпретации элементов другой области или категории: *смотреть, как баран на новые ворота; петь соловьем; разоделся, как павлин, повторять за кем-то, как попугай; гусиная шея; надутый индюк; лебединая песнь; ослиное упрямство* и т.д., см. также на материале английского языка: [Болдырев, Панасенко 2013].

Следует отметить, что потенциал лексической категории как когнитивной схемы языковой интерпретации по-разному проявляется на сис-

темном и функциональном уровнях. На системном уровне он связан с интерпретацией мира и обнаруживается в объединении слов в их первичных, основных значениях. При этом сами когнитивные схемы могут использоваться для систематизации и субкатегоризации лексических единиц в составе более общей категории в зависимости от представленных в их исходной семантике способов интерпретации, поскольку **языковые значения – это определенные конфигурации знания: концептуальное содержание + схема**. Например, время может интерпретироваться на основе схем, заимствованных из категории геометрических объектов, как: точка (*полдень, данный момент*), отрезок (*день, месяц, год*), вектор (*прошлое, будущее, через месяц*), пунктир (*иногда, время от времени*), последовательность (*утро, день, вечер*), круг (*день за днем, час за часом*), линия (*вечность, навсегда, с тех пор*) и т.д. (см. подробнее на материале английского языка: [Болдырев, Маховикова 2012]).

На функциональном уровне интерпретирующий потенциал лексической категории проявляется во вторичной интерпретации, интерпретации знаний о мире. Он обусловлен возможностью использования лексических единиц в их вторичных значениях, которые развиваются на основе их основных, первичных значений. В своих вторичных, оценочных значениях они не образуют самостоятельных категорий, а входят в состав других оценочных категорий как их периферийные элементы. Например, слово *павлин* в значении оценки человека входит в категорию «оценка внешнего вида человека», основными элементами которой являются слова исходно оценочной семантики, типа: *красивый, симпатичный, приятный, неприятный, безобразный, опрятный, неряшливый, гордый, высокомерный, помпезный* и т.д.

Интерпретация знаний о мире является основной функцией **оценочных и, шире, модусных концептов и категорий** в силу самой их природы и структурно-содержательной специфики: отрицание, модальность, эвиденциальность, определенность/неопределенность, приблизительность, экспрессивность, тональность, и др. Соответственно данные концепты и категории представляют собой когнитивные схемы вторичной языковой интерпретации уже в силу самой их функциональной направленности. Например, категория отрицания интерпретирует знания о мире в плане: 1) наличия или отсутствия объектов, событий,

признаков (*исчезнувший, потерянный, разутый, промахнуться, промолчать*), 2) их соответствия или несоответствия имеющимся представлениям (*опечатка, обманывать, задерживать, другой*), 3) отсутствия у них того или иного признака или умения как их отрицательной характеристики, или оценки (*дилетант, некультурный, безголовый, грубый*), 4) интерпретации речевых действий с точки зрения соответствия или несоответствия коммуникативных целей и установок участников общения (отказ, несогласие, опровержение, запрет и т.д.). При этом само название функции отрицания, ее структура и ориентация на коллективные схемы знаний, которые типизируют объекты и события мира, их характеристики и взаимосвязи, т.е. общее устройство мира, обуславливают интерпретирующий характер соответствующего концепта и категории и их специфику как схем интерпретации (см. также: [Болдырев 2005]).

Связь с определенной функцией является главной особенностью модусных концептов и категорий. Дело в том, что формированию модусной категории предшествует концептуализация функции языковых объектов, а не, например, их системных характеристик. Тем самым именно конкретная функция языковых единиц, определенным образом осмысленная, и выступает в качестве модусного концепта, который служит основой для формирования соответствующей категории. При этом структурная специфика модусной системы языковой концептуализации и категоризации непосредственно зависит от структуры самой этой функции, ее дискретизации. Другими словами, **структура функции выступает** в роли той схемы, которая структурирует модусный концепт и соответствующую категорию, и соответственно – **в роли когнитивной схемы языковой интерпретации**.

Наряду с тематическими концептами, передающими энциклопедические знания о мире, концептуальная система человека содержит также целый ряд общих интерпретирующих (не обязательно оценочных) концептов, обеспечивающих цели и задачи языковой коммуникации, реализацию интерпретирующей функции языка. К числу таких концептов можно отнести ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ. Эти концепты **приобретают статус форм языкового сознания**, которыми оперирует человек в познавательных и языковых процессах, передавая коллективно-индивидуальное

видение мира, а также собственную его интерпретацию. В силу этой своей специфики они также выступают в качестве когнитивных схем языковой интерпретации, которые существуют лишь в сознании человека и с помощью которых он представляет структуру мира, интерпретирует и оценивает ее в процессах языковой номинации и коммуникации.

Интерпретирующая функция данных концептов проявляется во вторичной концептуализации объектов и событий в их взаимосвязи, т.е. как: 1) определенной группы, отграниченной или противопоставленной другим объектам (различные классификации объектов и отношений: *страна, регион, республика, край, область, город, поселок, село, деревня, хутор*), 2) как физического или ментального пространства определенного объема или протяженности (открытого или с конкретными границами, включающего или нет самого говорящего: *друзья, одноклассники, коллеги, профессионалы, соратники, помощники, противники, односельчане, земляки, соседи*), 3) как вместилца для объектов или событий (потенциального, пустого или заполненного: *протиснуться в первый ряд, выбраться из леса, засадить деревьями, вспомнить позабытое, заполнить свободное время, новогодние каникулы, зимняя сессия, пробиться в депутаты, начальники, попасть в окружение*), 4) как структуры отношений между объектами или событиями (логических: *южный берег полуострова, центральный офис, окраина поселка, главная трибуна, страны БРИКС, после отпуска, до работы*, метафорических: *мир мебели, море развлечений, каменный век, власть денег, веселые времена, вернуться в прошлое, назад в будущее*, метонимических: *диалог культур, международные связи университета, партийное братство, кровное родство, наследие прошлого, благородное семейство, на усмотрение администрации, шестидесятники, решение парламента*).

Говорящий субъект использует данные концепты также для структурирования пространства вокруг себя на личное и общественное, разделяемое и неразделяемое, свое и чужое или другое, используя соответствующие языковые средства репрезентации пространственно-временных параметров. Например: *мой/твой/его родственники, у нас в городе, в твоей Москве, чужая родня, в наше время, ваше поколение, мои университеты, у нас на стажировке, командуйте у себя в отделе, в вашей гостинице, наша/ваша наука, в нашем диссертационном совете* и т.д.

В функции когнитивных схем языковой интерпретации используются и различные **классификационные концепты, или фреймы**. Они представляют собой структуры, которые созданы человеком с помощью или на основе языка, а не отраженные в языке, и выступают как частные системы категоризации, применяемые в разных сферах деятельности: в образовании, производстве, торговле, в сфере услуг и т.д. Например, значение слова *двойка* становится понятным только в контексте общих представлений о системе оценки знаний в отечественных учебных заведениях. При этом в Англии, в США, во Франции и в других странах, как известно, существуют другие системы оценок. Для человека, не связанного с системой образования, это слово также может означать: 'номер маршрута троллейбуса, автобуса или трамвая', 'марка сигарет или пива', 'парный формат или дистанция в спортивных соревнованиях', 'калибр в технике' и т.д. – в рамках других классификационных схем. Подобные схемы используются в классификации отелей и номеров, а также этажей: *две, три, четыре, пять звезд; стандарт, улучшенный, бизнес, полу-люкс, люкс, апартаменты, президентский; нулевой, минус первый, минус второй (underground, ground floor, first floor – в английском языке)*. При этом *перворазрядный* может означать 'среднего уровня'. О классификационных фреймах см. также: [Беляевская 1994; Филлмор 1988].

Свои системы классификации имеют различные товары: метрическая маркировка размеров или упаковок: литры, килограммы, сантиметры (размер воротника и длина рубашек, рост у брюк и костюмов), дюймы (экраны телевизоров, мониторов, дисплеи телефонов, шины и клиренс у автомобилей, калибр инструментов), размер обуви: 35, 36 ... 47 (в США: 5... 12), размер одежды: 12 ... 64 (в Европе и США: *small, medium, large, extra large, XXL, XXXL*), оценочная категоризация упаковок, например в США: *large/большой* – далеко не самый большой размер или упаковка, более крупные упаковки маркируются словами *jumbo* 'большой, громоздкий', *economy* 'выгодный, экономичный', *giant* 'гигантский', *family size* 'для всей семьи'. Данные определения (как и многие другие, например: *цифровое телевидение, ламповый приемник, дизельный двигатель, аналоговые часы, акустическая гитара, шариковая ручка, газовый реактор, Первая мировая война, birth mother* и т.д.) также передают некоторое классифицирующее значение, активизируя знание

конкретной системы классификации – классификационный фрейм, или когнитивную схему интерпретации. Данные схемы непосредственно связаны с реализацией интерпретирующей функции языка в виде определенной модели языкового знания и познания окружающего мира с помощью языка.

Интерпретирующими по своей природе являются и многие **металингвистические концепты** как единицы языкового знания, которые тоже представляют собой определенные классификационные фреймы и поэтому могут рассматриваться как когнитивные схемы языковой интерпретации. Данные схемы лежат в основе категоризации языковых единиц и позволяют относить ту или иную языковую форму к определенному лексико-грамматическому разряду (например, акциональные и неакциональные, предельные и непредельные, интенциональные, фактообразующие и другие глаголы) или грамматической категории. Это разного вида фонологические, сочетаемостные, словообразовательные модели, типы классов слов, коммуникативных ситуаций, текстов, дискурсов, т.е. определенные классификационные модели, отражающие принципы организации языковой системы. Например модель языковых знаний, позволяющая относить то или иное слово к определенной части речи или лексико-грамматическому разряду, конкретный текст или дискурс – к определенному жанру (художественный, научный, рекламный, фольклорный, диалектный, институциональный, политический, педагогический медицинский, экономический и т.д.). Классификационные фреймы как модели языкового знания и общие схемы интерпретации могут передавать концептуальную информацию, призванную соотносить общие и грамматические концепты, типа: момент речи, предельность, направленность, акциональность, исчисляемость, – или иметь исключительно внутриязыковую природу: согласование определения с определяемым словом в русском языке, согласование времен в английском языке, согласование подлежащего со сказуемым в обоих языках и т.д.

В явном виде интерпретирующий характер метаязыковых схем проявляется в различных научных классификациях и подходах, по-разному трактующих ключевые проблемы лингвистики и сами языковые явления и категории, ср. например, разные классификации предикатов, языковых единиц, категорий и функций, текстов и дискурсов. В качестве когнитивных схем интерпретации в этом случае выступают теоретические ус-

тановки и методологические принципы, приемы и методы анализа, предлагаемые в рамках соответствующего научного направления.

Особую роль в интерпретации знаний о мире играют собственно **грамматические концепты**, которые выполняют двойную функцию. С одной стороны, они раскрывают принципы структурной организации того или иного языка: части речи, словосочетание, предложение, порядок слов, согласование, текст, дискурс, морфологические категории. С другой стороны, как когнитивные схемы языковой интерпретации они интерпретируют знания об объектах и событиях мира, их характеристиках и взаимосвязях в соответствии с законами и принципами языковой коммуникации, представляя их в качестве конкретных и абстрактных, физических и ментальных субъектов, объектов, действий, процессов, состояний, отношений, статических и динамических признаков и используя различные виды синтагматической и синтаксической связи, разные типы синтаксических единиц и их коммуникативных типов.

Пропозициональные схемы и модели, в отличие от собственно грамматических концептов, активно задействованы в обоих типах языковой интерпретации: первичной (интерпретация мира) и вторичной (интерпретация знаний о мире). По своей природе и структурной специфике они направлены на передачу событийного многообразия окружающей среды, как его воспринимает и интерпретирует человек, в том числе, в виде проявления статических и динамических характеристик объектов и событий: *небо – голубое, трава – зеленая, земля – черная, ручей журчит, ветер шумит, гром гремит, деревья растут, гроза усиливается, яблоки зреют, люди взрослеют, животные издают звуки, автомобили сигнализируют, самолеты режут* и т.д. В своей вторичной функции интерпретации знаний о мире они обеспечивают разные способы конфигурирования концептуального содержания за счет использования различных когнитивных механизмов: профилирования, перспективизации, генерализации, конкретизации, тема-рематического членения, сужения, расширения, импликации, инференции, объединения нескольких пропозиций. На языковом уровне это выражается в типах синтаксических конструкций и их модификаций за счет: 1) типов структурных схем (переходная, непереходная, простая, распространенная, односоставная, двусоставная, сложносочиненная, сложноподчиненная, инверсионная, номинативная), 2) коммуника-

тивных типов (повествовательное, вопросительное, восклицательное предложения), 3) типов обязательных: субъект, объект, предикат, – и факультативных элементов пропозиции: локативные, темпоральные компоненты, характеристики самого предиката (конкретные, абстрактные, глагольные, именные, модальные, связочные), а также 4) конкретного лексико-грамматического наполнения.

Иллюстративным в этом плане является **сложное предложение**, в основе формирования которого лежит иерархизация смыслов за счет объединения нескольких пропозиций. Основной целью при этом является выдвижение одной из пропозиций в качестве главного смысла и других – в качестве необходимого контекста его осмысления. Например: *После того как комиссия уехала, мы все отправились по домам, поскольку рабочий день уже давно закончился, и начальство тоже уехало*. Ср. не совсем уместное или нетождественное использование последовательности простых предложений для передачи этих же пропозиций и смыслов вне связи друг с другом: *Комиссия уехала. Мы все отправились по домам. Рабочий день закончился. Начальство тоже уехало*. Аналогичную функцию выполняют и простые предложения с вторичной предикацией – вторично-предикативные структуры, типа: *После отъезда комиссии и начальства мы все отправились по домам*. Однако возможности последних в объединении и иерархизации разных смыслов, в сравнении со сложным предложением, ограничены, ср.: *После отъезда комиссии и начальства мы все отправились по домам по окончании рабочего дня* (≠ ‘поскольку рабочий день закончился’). Объединение пропозиций, лежащее в основе формирования сложных предложений и вторично-предикативных структур, представляет собой **особый формат языкового знания** и в этом качестве может рассматриваться как **когнитивная схема разной языковой интерпретации концептуального содержания**, т.е. разных способов его конфигурирования.

Пропозиционные схемы используются в образных сравнениях, фразеологии и идиомах, которые передают коллективный опыт взаимодействия с миром и его осмысления и оценки в виде готовых суждений: *кому-то щи пустоваты, а кому-то жемчуг мелковат; богатые тоже плачут; «работать надо не на начальство, а на народ»* (Ю. Герман); *поводился кувшин по воду ходить...; работал бы себе и работал; на «нет» и суда нет; как пригласили, так и пришел; дойти*

до ручки, красный как рак, пыхтеть как паровоз, сиять как самовар, сидеть как в окопе, краснеть как девица, жить как кошка с собакой и т.д.

Метафорические и метонимические модели как схемы языковой интерпретации также могут иметь общий, коллективный, и частный, индивидуальный, характер. Общие модели достаточно хорошо описаны, прежде всего, в широко известной работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff, Johnson 1980] и во многих других исследованиях, в том числе, в диссертациях. Поэтому обратим особое внимание лишь на индивидуально-авторские метафоры как частные когнитивные схемы языковой интерпретации, механизм формирования которых представляется еще не до конца изученным. Специфика индивидуально-авторских метафор определяется многофакторностью формирования их основы, которая обусловлена многообразием типов самих авторов (автор бытового, художественного, научного, институционального и других типов дискурса, его происхождение, образование, возраст, национальность и т.д.), множеством межконцептуальных связей (как между отдельными концептами, так и между целыми концептуально-тематическими областями), на которых основываются процессы метафоризации, а также выбором конкретных языковых механизмов и средств. В этой связи можно говорить о субъектном **принципе их формирования** в том смысле, что они передают авторскую интерпретацию знаний о мире, основанную на собственном его восприятии и осмыслении, например: *морозовоевода* (Н. Некрасов), *карие вишни* (А. Вознесенский), *облако в штанах* (В. Маяковский), *милая скромность цветущих вишневых садов* (И. Бунин), *тезисы души* (Б. Пастернак), *красные крылья заката* (С. Есенин), *юный Октябрь* (Н. Добронравов), *Архипелаг ГУЛАГ*, *Красное колесо* (А. Солженицын), *Indian Summer of a Forsythe* (J. Galsworthy), *The Grapes of Wrath* (J. Steinbeck), *Cloud Atlas* (D. Mitchell).

В качестве заключения необходимо еще раз подчеркнуть, что человек, конструируя окружающий мир в своем сознании, интерпретирует как сам этот мир в его многообразии объектов, событий и их характеристик и проявлений, так и знания о мире в контексте личного языкового и неязыкового опыта взаимодействия с ним. В процессе этого конструирования он опирается на общие, коллективные, и частные, индивидуальные, когнитивные схемы языковой интерпретации в виде различных

пропозициональных, образно-схематических, метафорических и метонимических моделей, а также в виде структуры концептуально-тематических областей, лексических, грамматических, модусных концептов и категорий, классификационных и метаязыковых концептов, частных систем категоризации, сложных пропозиций, индивидуально-авторских метафор и образных сравнений.

Список литературы

- Беляевская Е.Г.* Когнитивные основания изучения семантики слова // Структуры представления знаний в языке. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 87-110.
- Болдырев Н.Н.* Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. СПб.: Наука, 2003. С. 54-74.
- Болдырев Н.Н.* Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: Ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сборник статей к юбилею проф. Н.А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. С. 31-46.
- Болдырев Н.Н.* Проблемы исследования языкового знания // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: сборник научных трудов. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 95-108.
- Болдырев Н.Н.* Прототипы в языковой репрезентации знаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. II. С. 36-44.
- Болдырев Н.Н.* Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. I (93). 2011. С. 9-16.
- Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011а. № 31. Филология. Искусствоведение. С. 11-16.
- Болдырев Н.Н.* Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 35-48.
- Болдырев Н.Н., Маховикова Д.В.* Лексический способ концептуализации времени в современном английском языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 2. С. 5-15.
- Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А.* Когнитивная основа лексических категорий и их оценочный потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5-12.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- КФЭ – Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Энциклопедия», 1994.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- Павилёнис Р.И.* Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
- Постовалова В.И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8-69.
- Серебрянников Б.А.* Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988.
- Талми Л.* Отношение грамматики к познанию // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1999. №№ 1, 4, 6. С. 91-115, 76-105, 88-121.
- Ушаков Д. В.* Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Проблема развития: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 5-14.
- Филлмор Ч.* Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.
- ФС – Философский словарь. М.: Изд-во политической литературы, 1981.
- Чейф У.Л.* Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.
- Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G.* Sociocultural commitment of Cognitive Linguistics via dimensions of context // ILHA DO DESTERRO. A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies. 2016. Vol. 69. № 1. P. 173-182.
- Jackendoff R.* Semantics and Cognition. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.
- Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What categories reveal about the mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1990.
- Lakoff G, Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago and London: University of Chicago Press, 1980.
- Langacker R.W.* Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum, 1978. P. 27-48.

Wierzbicka A. Lingua Mentalis: The Semantics of Natural Language. Sydney: Academic Press, 1980.

COGNITIVE SCHEMAS OF LINGUISTIC INTERPRETATION

N.N. Boldyrev

Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russia)
vclnew@mail.ru

The author analyses forms of linguistic cognition which are used for mental construal of the world and for primary and secondary interpreting it, i.e. cognitive schemas of interpretation of variety of objects, events and of their characteristics as they are in the world around, on the one hand, and those of interpretation of conventional world knowledge, on the other. He argues that structuring world and world knowledge in the processes of conceptualization and categorization is always interpretative and follows some general, or conventional, and specific, or individual, cognitive schemas. This argument derives on the author-suggested three-member pattern of language functions, claiming 'the interpretive function' to be a basic one along with the cognitive and communicative functions. It is the interpretive function of language that requires a broad choice of schemas to structure the world and the world knowledge and to trigger selection, classification and evaluation as three basic processes of linguistic interpretation.

Among the conventional schemas employed in these processes are propositional, image-schematic, metaphoric, and metonymic ones as well as certain types of concepts and categories, the structure of thematic conceptual domains and of lexical, grammatical, and modus categories. Individually specific can be human particular systems of conceptualization and categorization, complex propositions, newly-construed metaphors, and modified conventional schemas which are specifically represented in language.

Key words: cognitive schema, linguistic interpretation, interpretive function, structure, thematic conceptual domain, concept, category, proposition, linguistic representation.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Foundation for Humanities, project No. 15-04-00448.

For citation: Boldyrev, N. N. (2016). Cognitive schemas of linguistic interpretation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 10-20. (In Russ.).

Для цитирования: Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.